

УДК 111.6

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-37-48

Нормативный плюрализм и мультинормативность

В. Н. Карпович, А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье предложен анализ феномена нормативного плюрализма – одновременного сосуществования различных нормативных порядков в разных сферах нашей жизни – праве, морали, политике и т. д. Показаны причины возникновения и распространения этого феномена – как внутренние (преодоление правового и морального синкретизма), так и внешние – глобализация и связанный с ней рост количества субъектов нормотворчества. Предложен способ осмысления и согласования норм с целью построения из потенциально конфликтных норм непротиворечивой нормативной системы, не содержащей нормативных коллизий.

Ключевые слова

нормативность, принципы, основания, логическая последовательность, беспристрастность, правовой порядок, моральные системы, плюрализм

Для цитирования

Карпович В. Н., Шевченко А. А. Нормативный плюрализм и мультинормативность // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 3. С. 37–48. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-37-48

Normative Pluralism and Multinormativity

V. N. Karpovich, A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the phenomenon of normative pluralism – that of several normative orders coexisting in various spheres of our life – law, morality, politics, etc. It shows the root causes of normative pluralism and the causes of its development and proliferation – both internal (overcoming legal and moral syncretism) and external (globalization and the related growth in the number of regulatory subjects). The authors offer a way of understanding and reconciling norms by building out of potentially conflicting norms a non-contradictory system without any normative collisions.

© В. Н. Карпович, А. А. Шевченко, 2020

Keywords

normativity, principles, grounds, logical sequence, impartiality, legal order, moral systems, pluralism

For citation

Karpovich V. N., Shevchenko A. A. Normative Pluralism and Multinormativity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 37–48. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-37-48

Проблематика нормативного плюрализма и взаимодействия различных нормативных порядков приобрела популярность в 1970–1980 годы в сфере права. Если отвлечься от различий в определениях правового плюрализма, общее здесь в том, что под сомнение ставится исключительность правового нормативного порядка, осуществляемого государством, которое претендует на монопольное законодательное регулирование основных сфер человеческой жизни. Одной из исторических причин интереса к этой теме был, как считается, конец эпохи колониализма, когда прежние правовые установления метрополии продолжали сосуществовать с новыми правовыми системами освободившихся государств. Можно провести такую аналогию: в каком-то отношении сама идея нормативного плюрализма напоминает теорию возникновения разных нормативных систем из единой «мононормы», в которой в единое целое были соединены и религиозные, и моральные, и нормы обычаев, которые по мере усложнения общества становятся отдельными нормативными системами [Першиц, 1979]. Теперь же формируется своего рода обратная тенденция – объединить в единую нормативную систему разные виды и уровни нормативности. Двадцать первый век – это время, когда национальное законодательство многих государств постепенно дополняется или даже замещается системой множественных регуляторных порядков, среди которых нужно отметить растущее влияние международного права, законодательство новых политических, экономических и военных объединений, нормы транснациональных корпораций, религиозные и моральные нормы инкультурных сообществ мигрантов, и многое другое. Таким образом, возникает ситуация, в которой два или более нормативных порядка сосуществуют и действуют в одном социальном пространстве, что может создавать как потенциал для конфликтов между ними, так и неопределенность в отношении выбора релевантной нормы. Здесь снова можно использовать аналогию с расщеплением синкретизма мононормы, но уже в обратном порядке. Теперь разные нормативные системы, правовые и моральные, разные обычаи и верования требуется соединить в нормативно согласованные системы, на уровне толкования норм разных видов нормативности и с разными предписаниями во всех составляющих норму частях. Это гипотеза (условия применения), диспозиция (собственно предписанное поведение), и санкции (последствия выполнения или невыполне-

ния диспозиции) законодательства. Даже в замкнутых государственных границах сообществ приходится принимать нормативный плюрализм, создавать мультинормативную, но при этом когерентную систему нормативного регулирования.

Если искать более общие аналогии, то такой плюрализм нормативных оснований можно усмотреть в т. н. ролевой концепции личности, когда, исполняя разные социальные роли (научного сотрудника, родителя, водителя, спортивного болельщика и др.), люди придерживаются различных норм и стандартов, социально приемлемых в соответствующих контекстах. Однако, как и любые аналогии, эта также не является вполне корректной. Можно выделить две основные отличительные особенности нормативного плюрализма. Во-первых, если в сфере индивидуальных различий обычно принимаются решения, соответствующие выбранной системе приоритетов, то одной из существенных характеристик нормативного плюрализма обычно считается невозможность такого приоритетного (в частности, лексического) упорядочивания, в форме приписывания индекса приоритетности конкурирующих норм. Именно так характеризует интуитивистские плюралистические теории Дж. Ролз, противопоставляя им свою теорию справедливости, включающую приоритетность первого принципа справедливости над вторым.

«Интуитивистские теории, в этом смысле, имеют две особенности: во-первых, они состоят из множества первых принципов, которые могут противоречить друг другу и давать противоположные директивы в различных случаях. Во-вторых, тут нет точного метода, нет правил приоритета при сравнении принципов: мы устанавливаем баланс через интуицию, руководствуясь тем, что кажется нам самым правильным. Но если и существуют правила приоритета, они более или менее тривиальны и не оказывают существенной помощи в формировании суждения» [Ролз, 1995. С. 43]. Подобный «плюралистический» подход, конечно, несопоставим с нормативизмом Кельзена, его идеей «основной нормы» как обоснования всех остальных норм в системе права, которая и была, по сути дела, реакцией на распространение интуитивистских и психологических начал в праве [Kelsen, 1967. Ch. 5].

Следствием отказа от установки приоритетов является то, что такая трактовка нормативного плюрализма соответственно отказывается от жесткой логической дедукции норм и некоторого единого начала. Однако кажется очевидным, что при этом не должно быть нормативных коллизий, в противном случае нормы могут оказаться невыполнимыми вследствие противоречивых предписаний.

В частности, это может произойти из-за второй ключевой характеристики нормативного плюрализма – его многоуровневости, проистекающей из соединения сосуществующих нормативных систем. Это сосуществование имеет очень разный характер. Социальные исследователи обычно отмечают, что важность и значимость таких норм зависит от уровня анализа. На локальном уровне нормы обычного права играют важную организующую роль, в то время как на государственном уровне в современных обществах ключевую роль играет закон [Piiparinen, 2013]. При этом важно отметить историческую нелинейность развития отношений между позитивным и обычным правом. Эта динамика сравнивается с полным ходом маятника, где пройденный путь – движение от приоритета норм обычного права в досовременном мире к приоритету закона и обратное движение, которые мы и наблюдаем сейчас в современной «глобальной деревне» – к разнообразию локальных нормативных порядков [Piiparinen, 2013. Р. 36]. Нежелание или неготовность признать такую ситуацию и недооценку важности нормативного плюрализма автор объясняет, по сути дела, инерционным мышлением в правовых и социальных науках, в которых преобладает традиция, идущая от Гроция «с ее фиксацией на противопоставлении закона другим нормативным порядкам» [Piiparinen, 2013. Р. 40]. При этом для нас традиционно привычен конфликт разных нормативных порядков, например правового и морального, конфликт между законом и совестью. Такой конфликт норм обычно не имеет стандартного «метанормативного» решения и разрешается, и оценивается каждый раз в зависимости от конкретной ситуации выбора.

Вместе с количеством нормативных порядков растет и количество субъектов, претендующих на нормотворческие полномочия. Так, в последних исследованиях, посвященных правовому плюрализму, выполненных немецкими учеными, отмечается, что «...в мире помимо суверенных государств все более активно начинают действовать акторы, принимающие решения, не основанные на национальном праве, но те нормы, которые ими создаются, по своей природе являются правовыми. Таким образом, под воздействием экономических, политических и идеологических факторов складываются правовые системы, границы которых не совпадают с национальными государствами, причем предписания, образующие данные системы, оказываются зачастую гораздо эффективнее государственного регулирования» [Беляев, 2018. С. 212]. Сложность исследования альтернативных, «неформальных» нормативных порядков состоит в том, что они являются по преимуществу неписаными, при этом спектр их действия может быть весьма широк – от простых правил эффективности, типа правил дорожного движения, до объяснительных моделей, описывающих институциональные порядки (например, невидимая рука рынка в капиталистической экономике).

Мы считаем, что проблематика множественности нормативных порядков лучше всего может быть рассмотрена на примере морального плюрализма. Суть этого явления состоит в том, что поведение людей регулируется несколькими фундаментальными моральными принципами, которые не могут быть сведены к какому-то одному из них или даже лексическим образом упорядочены. Последнее утверждение – об отсутствии какого-то «первого» принципа для разрешения конфликтов между ними и делает ситуацию философски интересной.

Такой нормативный плюрализм можно усмотреть уже в обыденной морали здравого смысла, которая включает набор принципов, описывающих разнородные и потенциально конфликтующие требования: не лгать, не причинять вред другим людям, отвечать взаимностью на добро, заботиться о близких людях и одновременно с этим быть беспристрастными. Попыткой теоретического упорядочивания такой морали является концепция обязательств *prima facie* У. Д. Росса, который пытается одновременно ответить на вызовы как утилитаризма, так и кантианской традиции деонтологической этики. У. Д. Росса вполне можно назвать нормативным плюралистом, выступающим как против монизма утилитаризма, так и против монизма Канта, его категорического императива. Любой монизм, по мнению У. Д. Росса, неудовлетворителен прежде всего потому, что не согласуется с нашими базовыми моральными интуициями, которые подсказывают нам, что фундаментальных моральных принципов может быть довольно много. Что такое обязательство *prima facie*? Это такое базовое, первичное, интуитивно очевидное обязательство, которое должно соблюдаться, но не является безусловным. Его исполнение обусловлено требованиями сложившейся ситуации. Этим оно отличается, прежде всего, от категорического императива Канта. Сразу следует отметить, что буквальное понимание таких обязательств как обязательств «только на первый взгляд» нередко ведет к их неточной трактовке. На самом деле это обязательства фундаментальные, а основанием классификации обязательств служат особенности ситуации, которые можно считать нормативным основанием. При этом У. Д. Росс замечает, что «В отношении этих обязательств *prima facie* нет ничего произвольного. Каждое из них основывается на определенном обстоятельстве, моральную значимость которого нельзя всерьез игнорировать» [Ross, 2002. Р. 20], поскольку такое обязательство представлено обобщенным суждением, характеризующим класс случаев, которые определенным образом указывают на поступок, подлежащий выбору. Основаниями выбора служат особенности ситуации – либо человеческие поступки, либо факты об устройстве мира или положении человека в нем. Список Росса включает семь основных обязательств и не является исчерпывающим, это: 1) обязательство верности (*fidelity*) – необходимость соблюдать обещание или договор; 2) обяза-

тельство возмещения (reparation); 3) благодарности (gratitude); 4) справедливости (justice); 5) благотворительности, благодеяния (beneficence); 6) самосовершенствования (self-improvement); 7) непричинения вреда (non-maleficence).

Вместе с перечнем «самоочевидных» обязательств Росс предлагает набор их нормативных оснований – это прошлые действия субъектов взаимодействия (для первых трех обязательств), достоинство (merit) заинтересованных лиц для обязательства справедливости, факт существования в мире людей, чье положение можно улучшить для обязательств благотворительности и самосовершенствования. Последнее обязательство (непричинения вреда) он считает самым сильным и первым шагом на пути к обязательству благотворительности. Нормативное основание для непричинения вреда поэтому схоже с основанием для обязательства благотворительности (благодеяния).

Еще раз стоит отметить отсутствие в этом списке какого-то «главного» обязательства, т. е. нередуцируемость и равносильность как предложенных обязательств, так и их нормативных оснований. Если ситуация требует от нас отказа от одного обязательства в пользу другого, это означает, что первое стало менее уместным в конкретной ситуации, но не менее важным само по себе. В «Основаниях этики» Росс отмечал: «Несомненным фактом остается то, что нарушение обещания является морально неприемлемым, в том отношении, в котором мы говорим о действии нарушения обещания, даже если, несмотря на это, мы решим, что это именно то, что нам надлежит сделать» [Ross, 2000. P. 85]. При этом нарушение обещания никоим образом не отменяет соответствующее обязательство: «Когда мы полагаем, что имеем основания или даже моральную обязанность нарушить обещания для того, чтобы облегчить чье-то бедственное положение, мы ни на секунду не перестаем признавать наше *prima facie* обязательство соблюдать обещание, что вынуждает нас ощущать угрызения совести за то, что мы делаем» [Ross, 2002. P. 28.].

Разнообразие нормативных порядков и разновидностей нормативного плюрализма требует выработки некоторого общего методологического подхода к упорядочению норм. Если мы отрицаем редукцию и упорядочивание в лексическом порядке, то требуются какие-то иные основания для решения о том, какие именно нормативные резоны должны регулировать поведение в конкретном случае. Отмеченная нами несводимость нормативных оснований к высшему принципу не означает невозможности согласовать эти нормативные основания и представить их в виде некоторой непротиворечивой системы социальных регулятивов, совместно упорядочивающих набор типовых социальных контекстов. В отличие от нормативного плюрализма как набора регулятивов, несводимых к друг другу или какому-то одному основанию, будем называть такую согласо-

ванную нормативную систему мультинормативной, чтобы показать, что системность регулирования поведения требует последовательности как базового принципа организации норм.

Сохранение разнообразия нормативных оснований при соединении разных принципов требует определенной методики. Посмотрим, как это может быть сделано на примере присоединения принципа беспристрастности. Требование беспристрастности – одно из важнейших требований, входящее в перечень основных этических принципов. Примером важности согласования в данном случае служит обсуждение и обзор проблем беспристрастности в [Прокофьев, 2019].

Для построения этической теории можно применить тот прием, что упоминается у Платона, в частности, в диалоге *Менон*. Справедливость (достоинство, добродетель) бывает женская, или мужская, война или правителя, и можно в принципе их объединить через разделение (логическую не исключающую дизъюнкцию): первая или вторая, или третья – все это будет видами справедливости. Такая дизъюнкция позволит включить в нее все, что нам известно из личного знания и представляет собой открытую систему – когда и если появятся дополнительные особые «справедливости», можно будет удлинить цепочку разделений.

Недостаток подхода состоит в том, что она создается *ad hoc*, когда единого определения не удастся получить. Нужно установить связь между разными «справедливостями», создать единую теорию, почему при одних условиях мы справедливым считаем такое поведение, которое в других ситуациях не считается справедливым, а если и считается, то на основе других критериев. Перебор вариантов может оказаться, во-первых, не единственным, когда несколько случаев подойдут к одному поступку, а во-вторых, ситуации могут быть несовместимыми, и возникнет конфликт предписаний. Ведь норма всегда имеет вид условного суждения: при условиях А, следует предпринять поступок В, и возможно сюда же нужно еще включить и последствия. Тогда структура нормы выглядит как набор условных утверждений, где А – обстоятельства, В – поступок, а С – определение оценки поступка как правильного: «Если А верно, то (С эквивалентно В)». Такая цепочка утверждений будет системой редукций оценки к обстоятельствам и последствиям, причем А и В могут быть довольно сложными, или следствие условного суждения может быть не эквивалентностью, а опять-таки условием. Примерно таким образом в теории права про нормы говорят, что любая часть нормы, гипотеза (А), диспозиция (С) и санкция (В) могут быть простыми, сложными (соединение) или альтернативными (перечисление вариантов, соответствующих сложной ситуации), и даже негативными или пози-

тивными – отрицающие некоторые описанные положения дел или предписывающие (утверждающие) их. Примерно так запреты иногда называют «негативными обязываниями».

Вопрос только в том, что будет с логической связью между разными условиями применения цепочки редукционных предложений, превращающих перебор вариантов в единое определение. На этот вопрос отвечает анализ тех логических и этических принципов, которые указываются в перечислении, с целью выявить смысловые связи.

Показать это можно на анализе принципа беспристрастности у Хэара, в концепции которого такое перечисление допускается как способ построения этической теории. Если принцип беспристрастности присоединять к другим этическим принципам, то возникает вопрос о целесообразности рассуждений о самом принципе беспристрастности [Hare, 1997. P. 23–26, 163–165].

Одно из соображений заключается в том, что универсальность и беспристрастность имеют решающее значение для социальных отношений, которые только и важны для моральных оценок [см. Levin, 1979]. Приведем формулировку в первом приближении.

«Если правильно в отношении себя выбрать поступок А, то для всех людей в сходных обстоятельства правильно выбрать такой же поступок».

Уточним и обозначим более техническую формулировку так:

«Если следует выбрать поступок А, то существует совокупность обстоятельств F с такими свойствами, что (1) поступок А ими обладает и (2) в любом фактическом или гипотетическом случае каждый поступок, который обладает набором признаков F, должен быть выполнен»

Этот принцип формулирует долженствование: при сходстве обстоятельств следует сходным образом оценивать поступки, независимо от того, кто именно их совершает. Здесь может возникнуть вопрос: как обосновать такой принцип беспристрастности? Зачем вообще быть беспристрастным? Допустим, что мы примем следующее определение беспристрастности в этике.

Б: «Поступок А должен быть выполнен» по смыслу высказывает суждение «Поступок А обладает свойством F» (где F некоторое универсальное свойство).

Принцип Б приводит к пониманию беспристрастности как должного поведения. Независимо от того, кто именно совершил поступок, мы должны оценивать его единообразно. Но возникает вопрос: как можно обосновать такой принцип? Ответ зависит от интерпретации самого принципа, мы можем либо считать его фактическим, зависящим от устройства мира, либо полагать этот принцип логически необходимым.

Чтобы показать возможности разных подходов, введем различие между слабой и сильной беспристрастностью.

Назовем этический принцип Б слабой беспристрастностью, и будем отличать его от сильной беспристрастности СБ.

СБ: «Следует выбрать поступок А» логически влечет утверждение «Есть обстоятельства, характеризующиеся признаками F, такие, что (1) поступок А обладает этими признаками F и (2) в любых актуальных или гипотетических обстоятельствах со сходными признаками следует выбрать поступок А».

В то время как Б – содержательное «если-то» (так называемая «материальная импликация»), то СБ уже утверждает логическую выводимость. Поэтому можно выводить Б из СБ, но можно и отказаться от обоснования через СБ и выбрать другое обоснование. Если поступок А обязателен, то это предполагает (отсюда вытекает), что он обладает таким свойством F, а это значит, что в любом фактическом или гипотетическом случае, когда мы имеем дело со свойством F, следует предпринять именно такой поступок.

Значит, Б верен с любой точки зрения как принцип, что определяет должное поведение, и как требование выполнить не просто должное, но универсально должное, всеобщее должное поведение.

В простой формулировке принцип Б – это материальная импликация. Это не логическая истинность, но истина, зависящая от дополнительных условий, содержательных теорий о мире. Примером может служить арифметическое рассуждение, основанное на свойствах отношения «больше» на множестве чисел: если А больше В, а В больше С, то А больше С. А вот другое рассуждение, основанное на выводимости одних утверждений из других: если из утверждения А вытекает В, а из В вытекает С, то из утверждения А вытекает утверждение С.

Простой принцип Б основан на некоторых дополнительных содержательных допущениях – например, предположении о возможности исходить из теории идеального наблюдателя, что очевидным образом несовместимо с культурным релятивизмом. Ссылка на предполагаемую культуру конкретного сообщества в конкретно определенное время по определению содержит индексные лексические ссылки, упоминаемые Дж. Ролзом в его концепции первичных благ.

С этой же целью можно предположить существование реального наблюдателя, например, когда утверждение о существовании высшего существа рассматривается как теория, объясняющая существования и законы мира, в котором мы живем. Например, в религиозном учении можно назначить на эту роль какое-то высшее существо, обозначив его либо собственным именем, либо оценочным суждением о его совершенствах, однозначно указывающим именно на него (всеблагий, вездесущий, всемогущий и т. п.).

Этот прием правдоподобен и для других этических теорий. На том же примере религиозной этики: можно исходить из этического интуитивизма, когда верующие принимают существование Всевышнего как интуитивно данную, самоочевидную истину. Даже те этические теории, которые отрицают описательную значимость оценочных суждений, и те могут исходить из рассматриваемого принципа Б. Например, известный своими позитивистскими установками Айер предлагает эту точку зрения, когда говорит: «Обычные объекты морального одобрения или неодобрения не являются конкретными поступками в том же смысле, как и категории поступков; ...если поступок считается правильным или неправильным, хорошим или плохим, ...то это потому, что он мыслится как относящийся к определенному типу» [Ayer, 1946. P. 21].

Хэар принимает СБ, поскольку он считает, что долженствование всегда представляет собой универсальное предписание, не зависящее от особенностей построение этического порядка (например, «следует совершить поступок, сходный с поступком А»). В своей этике он в значительной мере разработал теорию, в которой именно общая характеристика этических суждений в виде беспристрастности считается важнейшей метаэтической категорией.

Тем не менее, теоретики, не готовые принять СБ, могут по-прежнему защищать безусловную универсализуемость и беспристрастность на другом основании. Предположим, что СБ ложно. В этом случае принцип Б и беспристрастность не имеют особого значения в качестве логических правил для этических рассуждений. А это значит, что не будет логически противоречиво (непоследовательно) высказать следующее утверждение: «Следует выбрать поступок А, но при этом поступок В, хотя в точности похож на А по своим существенным свойствам, но поступать так не следует». Такое утверждение может быть противоречием в содержательном отношении, и его можно было бы назвать этически непоследовательным.

Таким образом, переход от простого нормативного плюрализма к сложной системе мультинормативности, включающей не только перечисление самих принципов, но и условия их сосуществования, предполагает выделение таких групп условий моральности (добра, блага) по их ситуациям в разных этических концепциях и оценку границ их совместимости. Иногда они совпадут по содержательным основаниям самой этической концепции, иногда – по формальным логическим свойствам (например, как следствие из теории в отличие от допустимой содержательной связи внутри категориального аппарата конкретной теории). Принимая и совмещая различные нормативные основания, нельзя забывать про их зависимость, возможности обобщения, что может позволить понять и представить их в виде относительно целостной мультинормативной системы,

состоящей в то же время из разных нормативных установок с соответствующим разделением и описанием ситуаций (гипотез, норм), в которых они применимы. Такой подход позволяет получить логическую совместимость различных норм в единой нормативной системе, которая даже по организации нормативного материала будет выражать возможный плюрализм норм.

Список литературы / References

- Беляев М. А.** Новые немецкие исследования о правовом плюрализме: критический обзор // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 5. С. 209–223.
- Belyaev M.** New German Studies on Legal Pluralism: Critical Review. *Papers of the Institute of State and Law RAS*, 2018, vol. 13, no. 5, p. 209–223. (in Russ.)
- Першиц А. И.** Проблемы нормативной этнографии // Исслед. по общей этнографии. М., 1979. С. 210–240.
- Pershits A.** Problems of Normative Ethnography. In: *Studies on Normative Ethnography*. Moscow, 1979, p. 210–240. (in Russ.)
- Прокофьев А. В.** Беспристрастность: анализ морального понятия // Человек. 2019. Т. 30, № 4. С. 6–24.
- Prokofyev A.** Impartiality: Analysis of a Moral Concept. *Chelovek*, 2019, vol. 30, no. 4, p. 6–24. (in Russ.)
- Ролз Дж.** Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
- Rawls J.** A Theory of Justice. Novosibirsk, NSU Press, 1995. (in Russ.)
- Ayer A. J.** *Language, Truth and Logic*. Gollancz, 1946.
- Hare R. M.** *Sorting Out Ethics*. Oxford, Clarendon Press, 1997.
- Kelsen H.** *Pure Theory of Law*. Uni. of California Press, 1967.
- Levin M. E.** The universalizability of moral judgments revisited. *Mind*, 1979, vol. 88, p. 115–119.
- Piiparinen T.** Exploring the Methodology of Normative Pluralism in the Global Age. In: J. Klabbers & T. Piiparinen (eds.). *Normative Pluralism and International Law: Exploring Global Governance*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2013, p. 35–64.
- Ross W. D.** *Foundation of Ethics*. Oxford Uni. Press, 2000.
- Ross W. D.** *The Right and The Good*. Ed. by Philip Stratton-Lake. Oxford Uni. Press, 2002.

Материал поступил в редколлегию (Received) 02.11.2020

Статья принята к публикации (Accepted) 16.11.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors**Карпович Валентин Никонович**

доктор философских наук, профессор

ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Valentin N. Karpovich

Doctor of Sciences (Philosophy)

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

kvn@philosophy.nsc.ru

ORCID 0000-0002-7897-7685

Шевченко Александр Анатольевич

доктор философских наук

ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Alexander A. Shevchenko

Doctor of Sciences (Philosophy)

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

shev@philosophy.nsc.ru

ORCID 0000-0002-8563-5464